

ЦЫГАНСКАЯ ТЕМА В «ЗАПИСКАХ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА

Одним из первых к цыганской теме в русской литературе обратился А.С.Пушкин: поэма «Цыганы» (1824) трактуется пушкиноведами как итог романтических исканий поэта. Не оставила равнодушным цыганская тема и начинавшего в 40-е годы свою литературную деятельность И.С.Тургенева, первым крупным произведением которого стал цикл рассказов «Записки охотника». Одна из составляющих художественной концепции цикла, одна из авторских задач – раскрытие национального характера и души русского человека, и по преимуществу человека из народа. Эту трудную задачу Тургенев решает посредством разных художественных приёмов, одним из которых является сопоставление – контраст русского народа с инонациональными группами. В цикле рассказов Тургенева встречается практически одна такая группа – это цыгане, если не считать единичный образ представителя еврейской национальности (Мошель Лейба из рассказа «Конец Чертопханова»). Образы цыган в «Записках охотника» встречаются в четырёх рассказах – «Лебедянь», «Пётр Петрович Каратаев», «Чертопханов и Недопюскин» и «Конец Чертопханова».

В рассказе «Лебедянь» образы цыган, несмотря на то, что названы некоторые собственные имена (Стешка, Ильюшка), не конкретизированы, выступают как масса и как неотъемлемая сторона ярмарочного действия, его торгово-деловой и увеселительной части. Цыгане показаны не в их частной жизни, а в своих основных коммерческих занятиях.

В рассказе «Пётр Петрович Каратаев» цыгане так же, как и в «Лебедяни», не являются действующими лицами: они – предмет разговора, объект симпатии склонного к кутежам прожигателя жизни.

Два рассказа из цикла «Записки охотника» «Чертопханов и Недопюскин» и «Конец Чертопханова» объединены общими персонажами и один является

прямым продолжением другого. Расположенные в цикле рядом, эти рассказы вполне «тянут» на небольшую повестушку не только по объёму, но и по охвату событий – несколько важных эпизодов из жизни помещика Чертопханова, вплоть до его смерти. Обращает на себя внимание тот факт, что «Конец Чертопханова» – самый большой по объёму рассказ цикла, и в этом смысле он несколько выпадает из общего плана. Даже структурно он выделяется на фоне других составляющих цикла: рассказ разбит на небольшие главки, тогда как другие рассказы, даже относительно большие, никаких разбивок текста не имеют.

Образ цыганки Маши объединяет оба рассказа в одно художественное целое, является тем необходимым, но не единственным звеном композиции, которым автор сцепляет рассказ о своём знакомстве с Чертопхановым с повествованием о его жизни вообще. Образ Маши, однако, не может и не должен трактоваться как чисто вспомогательный, второстепенный, структурно-композиционный. Он имеет в дилогии о Чертопханове своё самостоятельное, концептуальное значение. Образ Маши появляется на последних страницах рассказа «Чертопханов и Недопюскин»: рассказчик, воспользовавшись приглашением Чертопханова, навещает его в селе Бессоново. Хозяин радушно встречает гостя и в знак своего расположения к нему знакомит с живущей в его доме цыганкой Машей: «Вот, рекомендую, – промолвил Пантелей Еремеич: – жена не жена, а почитай что жена». Впечатление Маша произвела на рассказчика необыкновенно яркое: «...я увидел женщину лет двадцати, высокую и стройную, с цыганским смуглым лицом, изжелта-карими глазами и чёрною как смоль косою; большие белые зубы так и сверкали из-под полных и красных губ». Броскую красоту Маши оттеняет и её наряд: белое платье, голубая шаль с золотой булавкой. В психологизированном портрете героини автор обращает внимание на её породистость («тонкие, породистые руки»; «из-под закрученной косы вниз по широкой шее шли две прядки блестящих волосиков – признак крови и силы») – принадлежность к цыганскому племени. Настойчиво подчёркивается рассказчиком дикость природы цыганки: «...все черты её лица

выражали своенравную страсть и беззаботную удаль». Достигается нужный автору эффект посредством сравнений с представителями животного мира. Так, например, улыбка придаёт «её лицу не то кошачье, не то львиное выражение», её взор «так и мелькал, словно змеиное жало». Но Маша одновременно и застенчива, испытывает смущение, замешательство: сначала она отказывается петь под гитару в присутствии незнакомого ей человека. Видно, что она не потерпит насилия над своей волей: реагируя на повелительный тон Чертопханова, Маша гневно сдвигает брови, которые «поднимались и опускались, как усики у осы». Но гроза миновала, застенчивость уступила место традиционному цыганскому веселью, – Маша приносит гитару и начинает петь: «Её голос звенел и дрожал, как надтреснутый стеклянный колокольчик, вспыхивал и замирал... Машу всю поводило, как бересту на огне; тонкие пальцы резво бегали по гитаре, смуглое горло медленно поднималось и опускалось под двойным янтарным ожерельем».

Как Маша оказалась в доме помещика Чертопханова, читатель так никогда и не узнает. Тургенев первоначально имел намерение рассказать историю девушки, но впоследствии передумал. В письме к М. М. Стасюлевичу от 20 сентября / 2 октября 1872 г. он пишет: «Следует из рассказа «Чертопханов и Недопюскин» выкинуть только самую последнюю фразу, а именно: «Историю самой Маши я когда-нибудь в другой раз расскажу снисходительным читателям». В рассказе «Конец Чертопханова» история пребывания Маши в доме помещика на положении «жены не жены» получает своё логическое завершение: через два года она уйдёт от Чертопханова. Сам Чертопханов убеждён в том, что причиной Машиного ухода послужил молодой сосед, отставной уланский ротмистр по прозвищу Яфф, но рассказчик держится другого мнения, – «тут скорее воздействовала бродячая цыганская кровь, которая текла в жилах Маши». Перед тем, как уйти, Маша, как «раненая лисица» (сравнение с животным имеет своей целью подчеркнуть дикий, независимый характер цыганки), просидела три дня в углу. Горячий, неуравновешенный, импульсивный Чертопханов кинулся в погоню, желая

вернуть беглянку и получить объяснение её поступку. Маша решительно отрицает мотив измены: «Не к г.Яффу я пошла... а только с вами я уже больше жить не могу». Чертопханов пытается найти другую причину ухода Маши, усматривая её в своей бедности: «...не будь я голяк горемычный, не бросила ты бы меня!» Маша отрицает и эту причину: «А ещё бессеребренницей меня звал!» Несколько раз в словах Маши звучит слово «тоска» как главная причина её ухода. Маша безуспешно пытается объяснить Чертопханову, что дело не в нём, не в изменении его отношения к ней, а в особенностях её нации: «Али наших сестёр цыганок не ведаешь? Нрав наш таков, обычай. Коли завелась тоска-разлучница, отзывает душу во чужу-дальню сторонушку – где уж тут оставаться?» Скорее всего, Маша разлюбила Чертопханова. Именно такой вывод напрашивается из анализа их диалога: если Чертопханов поправляется – «Я тебя любил, я люблю тебя без ума, без памяти», то для Маши любовь безоговорочно осталась в прошлом – «И я вас любила, дружочек Пантелей Еремеич!». Маша жалеет Чертопханова («человек ты хороший»), но наотрез отказывается вернуться даже под угрозой смерти. Лицо её оживляется, когда Чертопханов выхватывает пистолет из кармана: «Что ж, убейте, Пантелей Еремеич: в вашей воле; а вернуться я не вернусь». Бросая смелый вызов смерти, Маша не блефует. И когда Чертопханов всё же выстрелил, правда, в воздух, она, обернувшись, «отправилась дальше вразвалочку, словно дразня его». Маша уже скрылась из виду, но до Чертопханова долетел её голос: она пела «жалобно и знойно», и если сначала Пантелей Еремеич расценил это как глумление над его чувствами («это мне она в пику»), то тут же опомнился и понял, что так Маша навсегда прощается с ним.

Таким образом, история Маши в «Записках охотника» не имеет ни начала, ни конца: неизвестно, ни как она появилась в доме Чертопханова, ни как сложилась её жизнь после ухода от Пантелея Еремеича, – совсем в духе романтической эстетики. Здесь, казалось бы, можно и закончить разговор о романтическом эпизоде жизни помещика Чертопханова, однако ставить точку нам представляется делом преждевременным. С уходом Маши жизнь Чертопха-

нова резко повернулась к закату. Вспомним оказавшиеся провидческими слова героя, брошенные Маше: «...без тебя я жить не желаю...» И действительно, с уходом Маши началось жизненное угасание Чертопханова, – его постиг новый удар: скончался его приятель Недопюскин. Тихон Иванович не был свидетелем трёхдневной тоски Маши. Простудившись, он лежал у себя дома в Бесселендеевке. Но, удивительное дело, поступок Маши «поразило его едва ли не глубже, чем самого Чертопханова», «всё в нём лопнуло и опустилось». «Вынула она из меня душу». До самой смерти, которая не замедлила прийти за ним зимой (Маша ушла летом), Тихон Иванович продолжал жаловаться, что «пусто у него внутри». Трудно определить по тургеневской манере повествования, какие именно чувства Недопюскин питал к сожительнице своего друга: возможно, был рад его счастью, а возможно, и сам был тайно влюблён в Машу, но безграничная преданность и дружба оказались сильнее... Уход Маши и смерть Недопюскина и для рассказчика, и для героя, – несомненно, звенья одной цепи. Об этом свидетельствует отчаянное восклицание Чертопханова: «...как это ты, Тиша, без моего разрешения оставляешь меня, не хуже Маши?»

Следующим логическим звеном этой цепи становится приобретение и утрата верхового коня донской породы по кличке Малек-Адель – предмета гордости Чертопханова, его «последнего превосходства над всеми его соседями». В ночь, когда из конюшни Чертопханова увели коня, ему приснился нехороший сон, в образах которого нетрудно обнаружить последствия той душевной травмы, которая была нанесена уходом Маши: «лиса бежит перед ним и дразнит его языком» (вспомним сравнение Маши в дни тоски с раненой лисицей), здесь же и генерал-губернатор с лицом Яффа (в подсознании героя Маша и Яфф связаны мотивом измены и ревности). Обезумевший от горя Чертопханов в краже коня обвиняет сначала еврея, прибывшего за деньгами, затем, расспросив Лейбу, делает вывод, что Малек-Аделя увёл его прежний хозяин – казак, и отправляется на поиски. Через год Чертопханов возвращается верхом на великолепном сером коне, которого именует Малек-Аделем, но в

глубине души его гложут сомнения – тот ли это Малек-Адель? Сомнения подтверждаются фактами: этот Малек-Адель не смог сделать то, что было под силу тому Малек-Аделю – перепрыгнуть широкую водомоину; дьякон, хваля лошадь Чертопханова, откровенно говорит о том, что это не Малек-Адель, ведь серая масть со временем меняется, светлеет... Самолюбие героя уязвлено, потеря предмета его гордости равносильна потере смысла жизни. Из любимца конь превращается в дрянную клячу, которая вызывает злобу, жажду мести. «Кому отомстить? – вопрошает себя Чертопханов. – Жиду, Яффу, Маше...» Не отдавая себе отчёта в том, кто на самом деле виноват в сложившейся ситуации, Чертопханов принимает чудовищное решение – убить ни в чём не повинное животное. В последнюю минуту сердце убийцы дрогнуло, и, ударив коня прикладом пистолета, он отпустил его: «Ступай, чёрт, на все четыре стороны!» Но преданный ему конь вернулся к хозяину, за что и поплатился жизнью. Автор заставляет Чертопханова испытать «чувство стыда и безобразия», понять, что он не только коня убил, но «на этот раз он и с собой покончил». Действительно, шесть недель спустя слуга Чертопханова сообщает приставу, что «Пантелей Еремеич, кажись, умирать собираются». Воистину ключевой в художественной концепции повести о Чертопханове является сцена его подготовки к смерти: лёжа на кровати, покрытой конской попоной, «в одной руке Чертопханов держал охотничью нагайку, в другой – шитый кисет, последний подарок Маши». Собственно, опять всплывает на поверхность то главное звено цепи, о котором мы говорили ранее – роль Маши в жизни Чертопханова и последствия её ухода. Неистовая страсть Чертопханова к Малек-Аделю и убийство псевдо-Малек-Аделя – это логическое продолжение истории Чертопханова и Маши: конь становится как бы заместителем Маши, заполняет ту нишу в душе героя, которая образовалась с её уходом: «он полюбил его так, как не любил самой Маши, привязался к нему больше, чем к Недопюскину». Гордости Чертопханова необходима опора, фундамент – их роль выполняют дружба с Недопюскиным, любовь к Маше, привязанность к Малек-Аделю; более

благородных объектов приложения лучшие душевные качества героя не имеют, со временем они мельчают, опошляются..

Образ цыганки Маши, как нам представляется, играет роль ключа в шифре жизни Чертопханова. Этот образ, выполняя важнейшие композиционно и концептуально организующие функции в рассказе-дилогии, призван, во-первых, прояснить, что в жизни главного героя, русского помещика, приоритетными оказываются личные интересы и привязанности, во-вторых, подчеркнуть, что сопоставление представительницы цыганского племени с представителем цивилизованного мира не в пользу последнего: Маша превосходит Чертопханова своими нравственными качествами (она честна, бескомпромиссна, бескорытна, смела, способна к состраданию, свободна в своём выборе). Несмотря на ясно выраженную национальную самобытность, образ Маши несёт в себе зачатки того интереснейшего феномена, который литературоведы обозначили термином «тургеневская женщина». Не отрицая некоей романтической экзотичности трактовки цыганской темы в «Записках охотника» Тургенева, следует отметить, что ему удалось мастерски вписать её в реалистическую картину национального русского бытия. Используя приём сопоставления, Тургенев акцентирует внимание на менталитете цыганской нации, главным проявлением которого является свобода передвижения и свобода от писаных законов российского общества, тогда как русский народ и в пореформенный период продолжал быть привязанным и к земле, и к прежним своим хозяевам.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ильницкая О. П.** Цыганская тема в русской литературе (К постановке проблемы) // Наук. зап. Харківського пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. Серія: Літературознавство. – Вип. 4 (36). – Харків, 2003.
2. **Петров С.М. И.С.** Тургенев. Творческий путь. – М.,1961.
3. **М.М. Стасюлевич** и его современники в их переписке. – СПб.,1912.